

УДК 82-3

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

DOI: 10.31862/1819-463X-2024-1-28-36

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА В РОМАНЕ О. Н. ЕРМАКОВА «РОДНИК ОЛАФА»

В. А. Мескин, С. А. Лунькова

Аннотация. В статье рассматривается тематика, проблематика исторического романа современного прозаика О. Ермакова «Родник Олафа». Основное внимание уделяется реконструкции в нем картин древности, обращаясь к соответствующей поэтике, автор как бы погружает читателя в повседневность русичей XII в., в эпоху, ознаменованную распространением христианства, борьбой новой веры со старой – с язычеством. Анализ образной системы подводит авторов статьи к другим сочинениям современных прозаиков на темы далекого прошлого, к вопросам этическим, социально-политическим, но прежде всего – к лингвистике текста, к языку, речи, к фольклорным мотивам.

Ключевые слова: Олег Ермаков, «Родник Олафа», поэтика, историзм, язычество, христианство, реконструкция, мотив, прообраз, фольклор.

Для цитирования: Мескин В. А., Лунькова С. А. Историческая поэтика в романе О. Н. Ермакова «Родник Олафа» // Наука и школа. 2024. № 1. С. 28–36. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-1-28-36.

HISTORICAL POETICS IN OLEG ERMAKOV'S NOVEL "OLAF'S SPRING"

V. A. Meskin, S. A. Lunkova

Abstract. The article explores the themes and issues of the historical novel "Olaf's Spring" by a contemporary Russian writer Oleg Ermakov. The main focus is on the reconstruction of ancient images in the novel, using appropriate poetics to immerse the reader in the everyday

© Мескин В. А., Лунькова С. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

life of the Russians of the 12th century, a time marked by the spread of Christianity and the struggle between new and old beliefs – paganism. The analysis of the imagery system leads the authors of the article to other works by contemporary writers on topics from the distant past, ethical and socio-political issues, but primarily to the linguistics of the text, language, speech, and folklore motifs.

Keywords: *Oleg Ermakov, “Olaf’s Spring”, poetics, historicism, paganism, Christianity, reconstruction, motif, prototype, folklore.*

Cite as: Meskin V. A., Lunkova S. A. Historical poetics in Oleg Ermakov’s novel “Olaf’s Spring”. *Nauka i shkola*. 2024, No. 1, pp. 28–36. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-1-28-36.

Олег Ермаков – писатель заслуженный, известный и в России, и за рубежом. Анализируемый роман был включен в короткий список «Большой книги» 2022. Литературоведы и критики пишут о Ермакове не часто, есть лишь одна обстоятельная статья, Д. Бавильского, но при этом в Интернете «висит» множество читательских рецензий-откликов на ермаковские сочинения¹. Мнения о «Роднике Олафа» разные. Кроме прочего, это роман и филологический: современный русский язык в нем по необходимости соединяется с древнерусским, «продираться» через него по силам не каждому читателю, и потому критические оценки писатель вряд ли не предвидел. Но подготовленному любителю словесности погружение в древность, причем не только зримую, о кинематографичности ермаковской прозы упомянутая статья Бавильского, но еще и слышимую, не может не понравиться [1]. И остается удивляться, как это ему, леснику и воину, удается, как говорят специалисты, профессионально справляться с мертвым языком?

Участник афганской компании, Ермаков дебютировал в 1989 г. произведениями на военно-афганскую тематику. В предисловии к книге Ермакова «Арифметика войны» (2012) Захар Прилепин справедливо отмечает, что автор «избегает ложных эффектов», добивается «достоверности... удивительной» [2, с. 7]. Эта характеристика ермаковской прозы в полной мере относится и к новой книге писателя, хотя задача стояла перед ним весьма сложная, уже не автора-очевидца. «Родник Олафа» – роман-реконструкция, время действия – XII в. Добиться «соучастия и достоверности», о чем писал Прилепин, надо было при ограниченности материалов о раннехристианском периоде Руси, о жизни русичей в условиях перехода от язычества к христианству.

В современной отечественной прозе наблюдается такое обостренное отношение к теме истории, которого нет в современной западноевропейской прозе, и на это есть свои причины [3; 4]. Конец минувшего – начало нового столетия был ознаменован художественной рефлексией относительно недавнего советского прошлого, в последние годы писатели устремили внимание к давнопрошедшим временам. В ряду писателей на острие этих устремлений выделяются прозаики-лауреаты: Е. Водолазкин, роман «Лавр» (2012), М. Гиголашвили, роман «Тайный год» (2017), А. Иванов, роман «Тобол» (2018). Их сочинения замечены и драматургами, и кинооператорами.

В этом ряду теперь стоит и роман «Родник Олафа», который представляется оригинальной репризой романа «Лавр», и только для исследователей словесности существенно то, что Водолазкин, по ряду формальных признаков, постмодернист,

¹ Рецензии на книги Олега Николаевича Ермакова: URL: <https://www.livelib.ru/author/207373/reviews-oleg-ermakov> (дата обращения: 05.02.2023).

Ермаков, в плане поэтики, более традиционен. Герои одного живут в вечности, герои другого – во времени. Важно то, что оба романа связывает христианская парадигма. Водлазкин обозначил сложившийся северный форпост русской духовности [5, с. 65]. Ермаков представил форпост русской духовности в его становлении в центральной полосе России. Два сюжета разделяет три столетия.

Романы, так или иначе связанные с историей, привлекают приветственное внимание исследователей. Итоговые выводы авторов не вызывают возражений. «Гиголашвили, – пишет один из них об упомянутом романе «Тайный год», – интересуют не столько исторические процессы, обуславливающие развитие человеческих организмов (то, что у Мишеля Фуко называется «археологией гуманитарного знания»), но именно что – отдельно стоящее существо со всей нутряной диалектикой его бесперебойно работающего сознания»². Своеобразие поэтики романа, – это пишет другой исследователь о другом так же упомянутом романе, о «Тоболе» Иванова, – «определяется тем, что мощное реалистическое письмо в нем прославляется образностью другой, иррациональной природы – стихией чудес, таинственных, фантастических видений, предрекающих будущее персонажей...» [6, с. 377]. Все так, но интересно то, что данные выводы не приложимы ко всем современным сочинениям, выходящим к исторической тематике, и, конечно, к роману «Родник Олафа». Вероятно, это явление требует отдельного рассмотрения.

Примечательно, в интервью авторы отказываются называть свои произведения «историческими», объявляют их «неисторическими романами». Но – это простительное лукавство, оно имеет одну цель – обратить внимание читателей прежде всего на художественные достоинства их созданий. Достоинства очевидны, как очевидно и то, что история предстает в этих сочинениях объектом первостепенного внимания, отчетливо проявляется в литературном историзме сочинений. О. Ермаков в интервью И. Бутуловой признавался, что достичь историчности ему немало помогли труды археологов, исследователей славянской культуры и истории Древней Руси, вспоминает работы таких ученых-словесников, как А. Афанасьев, Д. Лихачев, А. Рыбаков³.

Художественное воссоздание истории идет у Ермакова в двух планах: в собственно историческом и в историко-мифологическом. Вникая в первый план, читатель мысленно погружается в пространство Руси эпохи феодальной раздробленности, правления внуков Владимира Мономаха, в годы возвышения Смоленского княжества, правления благородного князя Ростислава и изменника коварного Изяслава, пособника врагов-половцев. В книге немало исторических персонажей, это еще и новгородский князь Святослав, и полоцкий князь Всеслав, и епископ смоленский грек Мануил и др., соответственно, немало упоминаний имевших место событий. Важно, что исторические персонажи действуют согласно их представлениям в энциклопедических и исторических изданиях. Преобладают, естественно, вымышленные персонажи. Здесь автор исходит из фоновых представлений читательской аудитории, его «вымышленные герои, помещенные в исторический контекст, должны вести себя... так, как вел бы себя человек изображаемой эпохи» [7, с. 222]. Исторический хронотоп создается и частыми обращениями к соответствующим топонимам, к канувшим в Лету явлениям и к другим, следы которых еще сохранились на смоленской земле.

² Дмитрий Бавильский о романе Михаила Гиголашвили // Книжная ярмарка ДК им. Крупской. URL: <https://krupaspb.ru/zhurnal-piterbook/retsenzii/dmitriy-bavilskiy-romane-mihaila-gigolashvili-taynyy-god.html> (дата обращения: 17.06.2023).

³ Олег Ермаков: «Язык – это тайна». URL: <https://godliteratury.ru/articles/2022/08/20/oleg-ermakov-iazyk-eto-tajna> (дата обращения: 11.01.2023).

Древний Смоленск – это историко-художественная точка отсчета всего повествования и малая родина автора. Поверья Смоленщины питали его воображение при работе над книгой. Упомянуты Арефинские горы, возвышенности, которые в описываемые времена могли напоминать горы, сейчас они известны как Арефинские холмы под Смоленском. Встречается Смядынь, пригород старого Смоленска, теперь – Большая Краснофлотская и Мало-Краснофлотская улицы. Часто упоминается город Вержавск, в стародавние времена второй по величине город после Смоленска, ныне городище, ведомство археологов. Упомянуто село Немыкари, удивительно, но оно, несколькими домами, существует и сейчас. Особое место в повествовании занимают водные артерии, полноводные в описываемые времена, ныне – полузаросшие, реки Гобза, Каспля. Заданный автором колорит времени создают и упоминания о крупных церковных и монастырских строениях, некогда величественных, но не сохранившихся или перестроенных в движении столетий: церковь Илии-пророка, собор Успения Богородицы, Борисоглебский монастырь.

Историко-мифологический план, созданный свободным полетом авторской фантазии, более поэтичен, он вбирает в себя летописные предания, поверья, фольклорные мотивы. Этот план образуют две тесно связанные сюжетные линии. Одна – о немом от рождения отроке Спиридоне, носившем прозвище Сычонок, потому как мастерски подражал крику птицы. Мальчиком движет страстное желание заговорить. Так, заметим, героем «Лавра» движет страстное желание искупить грех. Оставшись в силу трагических обстоятельств один, Спиридон отправился искать легендарный родник, источник трех великих русских рек, по преданиям, способный исцелять болезни и исполнять желания. Искания сводят его то с принявшим христианство людом, то с приверженцами религии отцов, с язычниками. Противоборство язычества и христианства становится главной темой во второй части романа, темой, которая слабо освещена в нашей литературе. Вот уже многие столетия главным источником ее освещения остается «Повесть временных лет», киевская летопись XII в.

Противопоставление начинается с имен персонажей. Язычники носят имена славянского происхождения, такие как Хорт, Гостёна, Нездила, Любава, Ощера, Нечай, Улей, у христиан имена греческого происхождения, такие как Спиридон, Василий, Стефан, Феодор, Лука, Степан, Василь. Иногда имена «говорящие». Гостёна – характер добрый, приветливый, в конце концов она спасает главного героя от неминуемой смерти.

Вряд ли будет ошибкой сказать, что о борьбе язычества и христианства в Риме в начале Новой эры российские читатели осведомлены более основательно, чем о той же борьбе на Руси. Эта основательность обеспечена прежде всего трилогией Д. Мережковского «Христос и Антихрист», объемной драматичной и увлекательной. К тому же мученичество первых христиан – наиболее частотная тема пяти столетий европейской академической живописи. «Повесть временных лет» рисует практически бесконфликтную картину вытеснения одной религии другой религией, и это понятно: «Повесть» – это летопись, созданная по монастырским канонам. По слову этой летописи киевский князь Владимир из всех «единобожных» религий выбрал византийское христианство, существовавшие сакральные изваяния, иначе говоря, идолов, повелел порубить, пожечь, сбросить в Днепр. В летописи не сказано о противлении княжескому велению. Но его не могло не быть: язычество уходило своими корнями в глубокую древность, и религию предков вряд ли можно было безболезненно изъять из памяти, из душ русичей. В этом убеждает и культуролог: «язычество не могло исчезнуть из жизни древнерусского общества быстро и бесследно. Церковь видела свою цель в планомерном и методичном изживании таких следов из культурной памяти народа,

в «зачистке» не только духовного, но и бытового пространства» [8, с. 7]. Драматизм всей «зачистки» красочно представлен в «Роднике Олафа».

Ермаков, заметим, как и Мережковский в упомянутой трилогии, далек от деления верований на хорошие и плохие, на правильные и неправильные. В тех и других он открывает свою спасительную душевность, свою поэзию и – истовость, непримиримость, готовность к смертельному соперничеству. Непримиримость несут, естественно, служители культа. «Жители поклоняются поганским богам али Христу?» [9, с. 532] – однозначно ставит вопрос один из них, обращаясь к герою романа. В душах же, что называется, обычных мирян происходит смятение: от язычества они уже ушли, к христианству еще не пришли. Драматическое состояние «на распутье» автор нередко описывает с толикой юмора. Вот разговор плотогонов у кострища в дождливый день за попыткой добыть огня, сварить еду: «– Испроси удачи. – У кого? – Да у ёго, у Перуна, али Сварога. – Уж лучше у Илии-пророка, он тебе искр с-под колес насыплет...». И тут один из участников диалога, осознав, что молвил что-то крамольное, «вдруг громко начинает молиться». Он уверовал или почти уверовал в Христа и полагает, что с Его помощью стружка загорелась. Другой участник диалога, закоренелый язычник, полагает, что огонь добыт, потому что он «у Перуна огню попросил» [9, с. 25–26]. По-разному трактуются ими явления природы, те же зарницы. «Илия-пророк на колеснице скачет...» – молвил один. «Перун идет со своею дружиною волчьей...» – заметил другой. «Всеслав Чародей...» – поправил второго третий [9, с. 41–42]. С особым вдохновением автор представляет, реконструирует жизнь в потаенных селениях, куда власть и церковь еще не проникли, где процветает язычество, воинственное в условиях насильственного крещения.

Отображение далекого прошлого ставило перед Ермаковым прежде всего задачу реконструкции сознания человека этого прошлого, его миропонимания, мифологизма мышления, наивного, доверчивого. Рудименты этого сознания, прошедшие через века, – свидетельство связи времен. Смоляне в романе верят в святость водоема, чудом возникшего, чудодейственного. В России много регионов, где есть водоемы, возникшие, по уверениям жителей, на сакральных местах, часто – на месте ушедшей под землю церкви. Отсюда легенда о Китеж-граде и реально существующем в нижегородских лесах озере Светлояре. Чудом автор-повествователь объясняет происхождение святого родника в Оковских лесах, в местечке Долгомостье, – первоисточнике Днепра, Двины, Волги. На помощь этого источника надеется немой отрок Спиридон, но тщетно: нет такого источника в тех лесах. Из болот тех лесов упомянутые реки вытекают, об этом еще Нестор в «Повести временных лет» писал, а единого истока – нет. «Великий исток» есть в Байкальском заповеднике, где писатель работал лесничим, место схождения трех великих рек: Амура, Лены, Енисея. Оттуда он, вероятно, и взял художественную аналогию. Название романа, в котором есть древнескандинавское слово *олаф*, можно трактовать как *родник предков, пращуров, олаф* в трактовке самого автора – еще и *награда, дар*⁴.

И все же больше всего автору важно показать эпоху посредством отображения религиозного смятения в сознании неофитов. Если после десяти веков по принятии христианства языческие обряды, скажем, на Масленицу или на Ивана Купалу живы и сейчас в памяти восточнославянского народа, в его фольклоре, то можно представить, как они были живы в начале второго тысячелетия. Ермаков это хорошо представляет, касаясь явлений пантеизма, обожествления явлений природы, языческих представлений: Бог разлит в природе. Чтобы «задобрить речку», ермаковские

⁴ В упомянутом интервью И. Бутуловой писатель сказал: «Байкал – громадный родник, наша олафа – награда, наш дар».

селяне бросают в нее кусочки пирога, чтобы уберечься от недобрых шуток русалок, девушки «держат в руках полынь и петрушку» [9, с. 12]. Зачем? Это объясняет «Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии»: «На Купала девушки брали с собой полынь и петрушку, как обереги от русалок. Но когда русалка спрашивала: “Что несешь, полынь или петрушку?”, нужно было отвечать: “Полынь”, ибо если скажешь: “Петрушку”, русалка сразу: “Иди за мной, моя душка!” – и заберет с собой»⁵.

Важную художественную функцию в романе несет волхв Хорт, вторая по значению фигура после Сычонка. Этот мистический характер «начинается» с имени, в переводе с древнеславянского – собака, волк. В мифологических представлениях волк – зверь хтонический, летописный зверь-оборотень. «Не Собака, а Волк. – И так, и эдак можно разуместь Хорта...» [9, с. 29] – рассуждают смоляне. Этого языческого патриарха близкие и побаиваются, и любят. За него они идут «с дрекольем, косами» [9, с. 167] на вооруженных миссионеров, отдают жизни. С риском для самого себя Сычонок спасает от смерти Хорта, приговоренного христианским сходом к смерти: мальчик надеется на помощь волхва. Хорт же хотел принести Сычонка в жертву Перуну: он вне земной благодарности. Хорт подвижник веры, языческий страстотерпец, и беременную жену он теряет из-за своего упорства, несмирения. Едва не состоявшееся жертвоприношение автор косвенно показывает сценой заклятия петуха: «Хорт стоял, воздев руки, а у ног его белел перьями и алел зобом и гребнем петух... Хорт прижал его одной рукой, а в другой сверкнул нож. Мгновенье... и Хорт пустил его бежать, безголового...» [9, с. 272]. Язычники жестоки, но и христиане, огнем и мечом распространяющие новую веру, жестоки. Заключительная часть романа – половецкий набег, жестокая битва – может вызвать вопросы, она как-то не очень вписывается в композицию сочинения. Волей случая Сычонок попадает к купцам-викингам, в центр кровавых событий. Возможно, и здесь автору важно показать амбивалентность христианства, в данном случае западного.

Ермаков уместно обращается к этнографии, оговаривает, как и что строили славяне, какие цвета предпочитали, что ели-пили, во что одевались, как от напастей оберегались, например, от пожаров – навешивали колеса, от нечисти травами да заговорами и т. д. Но более всего он уделяет внимания поверьям, явственнее всего отражающим сознание, видение картины мира. Поэтично описаны поминки, поименные оклики умерших на кладбище, и вот Сычонку мнится, «будто что-то стало тоньше, будто мертвые стали ближе и живее...» [9, с. 273]. Но самые поэтичные страницы отданы описаниям праздника Ивана Купалы. «Девушки собирались к купальской ночи венков наплести и высматривали цветочные полянки, а ребята уже старые тележные колеса подобрали, и оставалось их только смолой и дегтем облить, чтоб в ночи пускать огненными с гор» [9, с. 277]. Все это автор мог отыскать в культурологической литературе: «Ловкие “молойцы” (парни) возьмут заранее приготовленные, густо обмазанные дегтем или смолой колеса, зажигают их в середине, в ступице и вздевают на длинные шести; взваливши эти шести на плечо, они открывают шествие...» [10, с. 436–437]. И вот кульминация праздника: «А другие поджигали от костра смоляные колеса, оглядывались на Хорта... Тот махнул, и одно колесо устремилось вниз, разбрызгивая искры, бешено крутясь под визг женский и крики детей» [9, с. 297].

Типологически Ермаков близок Мережковскому в отображении противостояния вер, за каждой своя духовность. Весь ход повествования шел к религиозным

⁵ Кононенко А. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. С. 498. URL: https://www.4italka.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/383116.htm#book (дата обращения: 20.02.2023).

прениям Хорта и убежденного христианина Ефрема. Он монах-отшельник на покаянии, о его грехе автор таинственно умалчивает. Содержательные страницы с прениями вряд ли не лучшие в романе, прежде всего по форме живой разговорной речи. Сила Ефрема в любви ко всему живому, он верит, что Бог примет «и... поганую молитву... коли та от сердца доброго» [9, с. 382]. Сила Хорта в логике. По его мнению, князь Владимир, огнем и мечем распространяющий новую веру, основанную на любви к ближнему, не может быть угоден Христу. Ответы Ефрема не убеждают волхва, монах же стоит на своем: «Угоден, – упрямо отвечал Ефрем. – Токмо вельми спешил. Пущай бы болваны те поганскыя и стояли. Все одно храм лепше капища со зверьскимы черепами» [9, с. 384]. Здесь Хорт не терпит поражения, его поразит природа, которой он поклонялся, в облике медведя. Смерть Хорта – это и разрешение спора.

Говоря о романе, нельзя обойти разговор о его современно-древнерусском языке, о напевной, в соответствии с темой, повествовательной манере автора, о его зарисовках древности, образно говоря, кистью языка. Здесь вполне гармоничны, не заметны или почти незаметны переходы от церковнославянского к древнерусскому, от того и другого к современному русскому языку. Перемежаются фразы разных изводов: «бог велий» – «Господи Боже Великий»; «вперед али назад» – «вверх или вниз»; «такоже» – «также»; «ещежды» – «опять». И кажется естественным то, что в одном случае автор использует современную сравнительную форму – «как пушинки летают», «нос, как клюв», в другом случае прибегает к церковнославянской сравнительной форме – «режу воздух аки мед», «рот разевал, аки рыбаина дурацкая». Можно заметить, сравнения, обязательно неожиданные, излюбленный троп Ермакова. Чайки над рекой у него «кричат резко, как сторожихи какие или обидчивые бабы» [9, с. 48].

Многие древнерусские слова в ермаковском нарративе создают атмосферу давнего времени, значение их вполне понятно из контекста. «Давай треножь Футрину и ристай на плот-то!» [9, с. 17] – говорит отец сыну, и читателю понятно: мальчику велено поторопиться. Или: «Нам ни к чему которатися» [9, с. 186] – из контекста ясно, один персонаж убеждает другого в нежелательности ссоры. Известно, старые формы слов часто встречаются в диалектах, к этим рудиментам древности нередко и обращается автор романа: «А вдруг оне и сюды зашли?» [9, с. 48]; «Та-а-ма? – с трубной берестяностью кликнул Хорт» [9, с. 228]; «Идуть! Идуть!» [9, с. 233]; «Пущай! – просительно воскликнула Гостёна...» [9, с. 244].

Животных в «Роднике Олафа» часто называют так, как называли в той древности: чубарый – конь с темными пятнами на светлой шерсти, елѣфант – слон, пардус – гепард, уньць – олень. Древность воссоздается и названиями предметов, ныне забытых или переименованных: калантырь – род доспехов, убрусец, кика – головные уборы, калиги – род обуви, камка – шелковая цветная ткань, опашень – просторная верхняя летняя одежда. То же и с обозначением профессий, этнических и прочих явлений: гость – в значении незнакомец, ратай – пахарь, балий – колдун, ковач – кузнец, перевертень – разведчик, шлында – бродяга, кощей – пленник, наказатель – учитель, фрязин – итальянец, сарацин – араб.

Древний язык – древний мир, сказочные явления в нем не могут удивлять. Здесь как-то естественно смотрится явление лошади по кличке Футрина, в переводе с древнерусского – *непогода*, которая предупреждала о перемене погоды, «начинала ржать, бить копытом». Здесь не удивляет явление Сливеня, в переводе с древнерусского – *дракон, ящер*. Отдельные строфы ермаковской прозы особенно поэтичны: «Живет-де тот Сливень в болотах и мутных озерах, его и по-другому называют:

Яша. Сливень Яша по-доброму тех пропускает, кто с поклоном через болото по тропочке, по мосткам идет, с поклоном и просьбой пропустить, не творить злого, а особенно тех, кто чего-нибудь да пожертвует. А уж если черного петуха ему зарезать да положить в трясину, то и вовсе всю весну, все лето, осень всю можешь ходить, не оглядываясь, на болото: за тетеревом ли, за ягодой или так просто, по необходимости пройти» [9, с. 13]. Таких поэтических описаний в романе много.

В интервью литературоведу В. Огрызко автор «Родника Олафа» сказал, что книга родилась из его представлений о языке далекого прошлого, «сотканых из былин, летописей, древнерусских литературных произведений, речи нынешней деревни и голосов самого Оковского леса: криков его птиц и зверей»⁶. А. Н. Веселовский, первый теоретик «исторической поэтики», называл «прозой» все виды речи обыденной и «поэзией» – все виды речи художественной, претендующие на эстетическое измерение, и в этом смысле рассматриваемое произведение, несомненно, поэзия [11, с. 276–281]. По признанию писателя, от чтения «Слова о полку Игореве» он возымел «ощущение древней музыки и тайны», не будет большим преувеличением сказать, что схожие ощущения исходят и от его сочинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бавильский Д. Более странно, чем рай // Новый мир. 1998. № 5. С. 232–238.
2. Прилепин З. Предисловие: По обе стороны Млечного Пути // Ермаков О. Арифметика войны. М.: Астрель, 2012. С. 7.
3. Мескин В. По страницам «Большой книги» – 2014 // Вопросы литературы. 2015. № 2. С. 52–71.
4. Мескин В. А., Галай К. Н. На краю прошлого – на краю вечности. Переключка голосов в современной российской и французской прозе // Вопросы литературы. 2020. № 5. С. 150–166.
5. Панова О. Б., Кодочигова О. В. Традиции древнерусской культуры в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Язык и культура: сб. ст. XXIX Междунар. науч. конф. (Томск, 16–18 окт. 2018 г.). Томск: Изд. Дом Томского гос. ун-та, 2019. С. 62–69.
6. Колобаева Л. А. Русский исторический роман по-новому: «Тобол!» Алексея Иванова // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. 2019. Т. 24, № 3. С. 376–389.
7. Спиридонов Д. Проблема историзма в художественной литературе // Изв. Уральского гос. ун-та. 2005. № 39. С. 220–229.
8. Бесков А. А. Реминисценции восточнославянского язычества в современной российской культуре (статья первая) // Colloquium heptaplomeris. 2015. № 2. С. 6–18.
9. Ермаков О. Н. Родник Олафа. М.: АСТ, 2021. 536 с.
10. Шейн П. Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями. СПб.: тип. Майкова, 1874. С. 436–437.
11. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 276–281.

REFERENCES

1. Bavliskiy D. Bolee stranno, chem ray. *Novyy mir*. 1998, No. 5, pp. 232–238.
2. Prilepin Z. Predislovie: Po obe storony Mlechnogo Puti. In: Ermakov O. *Arifmetika voyny*. Moscow: Astrel, 2012. P. 7.
3. Meskin V. Po stranitsam “Bolshoy knigi” – 2014. *Voprosy literatury*. 2015, No. 2, pp. 52–71.
4. Meskin V. A., Galay K. N. Na krayu proshlogo – na krayu vechnosti. *Pereklichka golosov v sovremennoy rossiyskoy i frantsuzskoy proze*. *Voprosy literatury*. 2020, No. 5, pp. 150–166.
5. Panova O. B., Kodochigova O. V. Traditsii drevnerusskoy kultury v romane E. G. Vodolazkina “Lavr”. In: *Yazyk i kultura. Proceedings of the XXIX International scientific conference* (Tomsk, 16–18 Oct. 2018). Tomsk: Izd. Dom Tomskogo gos. un-ta, 2019. Pp. 62–69.

⁶ Мы достойны настоящей полной свободы // Литературная Россия. 18.05.2021. URL: <https://litrossia.ru/item/my-dostojny-nastoyashhej-polnoj-svobody/> (дата обращения: 08.02.2023).

6. Kolobaeva L. A. Russkiy istoricheskiy roman po-novomu: "Tobol!" Alekseya Ivanova. *Vestn. Rossiyskogo un-ta druzhby narodov*. 2019, Vol. 24, No. 3, pp. 376–389.
7. Spiridonov D. Problema istorizma v khudozhestvennoy literature. *Izv. Uralskogo gos. un-ta*. 2005, No. 39, pp. 220–229.
8. Beskov A. A. Reministsentsii vostochnoslavlyanskogo yazychestva v sovremennoy rossiyskoy kulture (statya pervaya). *Colloquium heptaplomeres*. 2015, No. 2, pp. 6–18.
9. Ermakov O. N. *Rodnik Olafa*. Moscow: AST, 2021. 536 p.
10. Sheyn P. *Belorusskie narodnye pesni, s otnosyashchimisya k nim obryadami, obychayami i sueveriyami*. St. Petersburg: tip. Maykova, 1874. Pp. 436–437.
11. Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika*. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. Pp. 276–281.

Мескин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

e-mail: vameskin@yandex.ru

Meskin Vladimir A., ScD in Philology, Professor, Russian and Foreign Literature Department, Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: vameskin@yandex.ru

Лунькова Софья Алексеевна, бакалавриат II курса, филологический факультет, направление «Филология», Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

e-mail: s.lun04@mail.ru

Lunkova Sofia A., Student in the Bachelor's Programme, Year 2, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: s.lun04@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.06.2023
The article was received on 09.06.2023